

ствие того произошла война; но стараниями Прозуха и других был заключен мир. Прозух, переехав вброд три реки, протекавшие под каменным мостом, встретился с раздраженным Фридрихом, успокоил его и воздержал от дальнейших намерений. После того они двинулись вперед мирно и спокойно. Песколько дней спустя, прибыв в долину Хировакхов, немцы раскинули там свой лагерь; надеясь на мир и верность греков, они не сделали никакого вала, как и всегда поступали на пути. Но их лагерью протекала речка Мелос, неширокая и мелкая; летом, высыхая, она терялась в болотах; место же, по которому протекала та речка, было не песчано, но плодородно и возделано плугом; зато зимой или во время сильных дождей она делалась большой рекой и стремительной, так что походила более на море, нежели на реку; в такую пору пельзя было перейти ее вброд, а только переплыть на судах; если поднималась буря, то она опустошала деревни, смывала дороги и представляла всякого рода опасности. Этот-то ручей, раздувшись от дождей и ночью выступив неожиданно из берегов, как будто бы разверзлись хляби небесные, унес из лагеря немцев не только оружие, седла, одежды, обоз, но даже повлек за собой лошадей, мулов и вооруженных людей. Зрелище было жалкое и плачевное: погибали без битвы, погибали, когда никто не губил; ни рост, ни десница, победоносная в бою, не спасали никого; погибали как трава, разносились как солома; повсюду были слышны рыдания и стоны. Видевшие все это, полагали, что гнев Господень обрушился на лагерь пемцев; паводнение было столь неожиданно, что не было возможности спасти даже жизнь; сон этой ночи был для одних смертью, для других утратой всего имущества. Король, приведенный в отчаяние случившимся и с изумлением видя, что грекам помогают силы природы, и сами времена года изменяют свой ход в их пользу, поспешно отправился отсюда. Подойдя к столичному городу, он был вынужден удалиться с войском, несмотря на то, что сначала, шаходясь в Пере, пазываемой Пикридем, не соглашался на то, и хвастался безрассудно, что в его власти удалиться или

остаться. При перевозе войска (в Азию), когда император приказал записывать его число и отмечать каждую партию поодиночке, те, которым было поручено это дело, утомленные длинным счетом, возвратились домой, не ожидая конца. Таким образом, когда, сообразно желанию греков, король отправился на Восток, а вскоре за ними последовали и франки (Φράγγοι, французы под предводительством Людовика VII, о котором наш историк не упомянул ни одного раза), император присялся прежним заботам о своих владениях; он позаботился также и о том, чтобы латинцы паходили па своем пути возможность покупать съестные припасы. В то же время он приказал в удобных местах и в узких проходах ставить засаду, вследствие чего многие из немцев погибли. Жители городов также не допускали их на свои рынки, но сначала, получив при помощи опущенных веревок со стены деньги, отпускали им после того хлеба и других припасов, сколько им вздумалось. Немцы, оскорбленные такими несправедливостями, зывали к мстителюму оку Провидения, указывая ему на тех, которые употребляли ложные весы, не хотели сжалиться над пришельцами и единоверцами, и не только не давали им того, что им принадлежало, но даже изо рта вырывали кусок хлеба. Но презренные жители городов по своей бесчеловечности несколько не раскаивались: получив золото или серебро и положив его за пазуху, они удалялись со стен; некоторые же, примешав к муке известь, отравляли хлеб. Было ли это деласмо по приказанию императора, как то говорилось, наверно не знаю. Как бы то ни было, такие поступки следует считать несправедливыми и безбожными. Известно только одно, что по приказанию императора, чекапнтась фальшивая монета, которую употребляли в торговле с итальянцами. Одним словом, не было такого зла, которого не замыслил бы император сам или через других с той целью, чтобы постоянными угрозами навести страх на отдаленное потомство немцев и лишить их охоты к новым вторжениям.

Шестая и последняя глава первой книги посвящена описанию борьбы Корада с турками